

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47)“1800/1850”

В.Н. ШАЙДУРОВ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.*

канд. ист. наук
Национальный минерально-сырьевой
университет «Горный»,
г. Санкт-Петербург
e-mail: s-w-n@mail.ru

В статье рассматривается начальный период формирования еврейской общины в Западной Сибири, который в историографии не получил детальной разработки. На основе архивных материалов представлен анализ государственной политики Александра I и Николая I в отношении еврейского населения Сибири и ее последствий к середине XIX в.

Ключевые слова: еврейская община, еврейский вопрос, Сибирь, переселение.

В отечественной историографии сложилась традиция начинать историю еврейской общины Сибири с 1836 г. Это было связано с включением региона в общегосударственную политику по решению еврейского вопроса. Одним из первых эту тему затронул В.Н. Никитин в своем исследовании «Евреи земледельцы». Девятая глава его работы посвящена неудачному переселению евреев в Тобольскую губернию и Омскую область при Николае I. Несомненной заслугой автора является введение в научный оборот архивных документов из фондов Министерства внутренних дел. Правда, им не были сделаны ссылки на источники, но сопоставление материалов из соответствующих фондов не оставляет никакого сомнения в тщательности анализа. Однако он не приводит количественных данных о переселенцах-евреях того времени, ссылаясь лишь на текст манифеста 1837 г., запретившего переселение и проживание иудеев в Сибири, согласно которому в Сибирь пожелало переселиться «1317 совершеннолетних мужских душ (кроме самовольно ушедших в Сибирь, – а верного числа их никто не знал)» [1, с. 207].

В начале XX в. вышли в свет новые работы, в которых приводятся разные данные об итогах переселения 1836–1837 гг. Так, в Петербурге была издана работа Г.Б. Белковс-

кого «Русское законодательство о евреях в Сибири» (1905), в которой автор не мог обойти стороной вопрос о еврейском переселении 1835–1836 гг. Обсуждая запретительные меры 1837 г., он указывает, что они не распространились на тех, «которые успели добровольно поселиться в течение 1836 г. Их всего-то было 1 367 человек» [2, с. 11]. Если В.Н. Никитин опирался на архивные данные, то Г.Б. Белковский в качестве источника использовал статью «Евреи в Сибири», опубликованную в журнале «Восход» [3].

В книге Ю. Островского «Сибирские евреи» также упомянута переселенческая кампания. Не приводя конкретных данных о переселившихся, автор пишет о «пожелании переселиться 1 317 душ евреев» [4, с. 13].

Наконец, М.М. Мыш в своей монографии [5] в разделе «Право жительства евреев в Сибири» дает историческую справку о евреях в Сибири. Их появление связано с кампанией 1835–1836 гг., когда «в течение 1836 г. пожелали переселиться из разных губерний 1 217 евреев». Приводя данные о числе желающих переселиться, автор ссылается на текст высочайше утвержденного положения Комитета министров «О приостановлении переселения евреев в Сибирь» от 5 января 1837 г. Однако в тексте положения приведены иные сведения: «на сии участки в течение 1836 г. пожелания переселиться 1 317 душ евреев»¹.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье, современность)», шифр № 2012-1.1-12-000-3001-017.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Изд. 2-е. Т. 12, ч. 1. № 9843.

В работах исследователей конца XX – начала XXI в. присутствуют упоминания о ранних страницах истории сибирских евреев (Н. Галашова, Ю. Гончаров, Л. Кальмина, Н. Орехова и др.). Однако авторы, как правило, ссылаются на работы своих дореволюционных предшественников, не подвергая приводимые ими сведения не только критике, но и сравнению. Явные разночтения относительно результатов одного и того же события заставили нас обратиться к этой теме и попытаться разобраться в событиях первой половины XIX в., приведших к возникновению новой региональной группы – сибирских евреев.

В середине марта 1810 г. Комитет министров на своем заседании заслушал записку министра внутренних дел О.П. Козодавлева. В ней докладчик представил проект курляндского дворянина, советника Курляндского губернского правления Г.Ф. фон Фелькерзама о переселении евреев из Курляндии в Тобольскую губернию². Однако правительство на тот момент не сочло необходимым рассматривать эту проблему, а потому было принято решение «по выслушании сих проектов... оставить без уважения»³.

Для МВД вопрос о еврейском населении в Сибири в первой четверти XIX в. возникал не единожды. В этот период евреи оказывались за Уралом в результате исполнения судебных приговоров и направлялись туда в качестве ссыльных. Так, в 1814 г. сибирский генерал-губернатор И.Б. Пестель сообщал министру внутренних дел О.П. Козодавлеву о мерах, принятых иркутским гражданским губернатором Н.И. Трескиным относительно евреев-поселенцев (поселенцами являлись лица, отбывшие срок в ссылке или на каторге и оставленные в Сибири на проживание под надзором полиции. – *В. Ш.*)⁴. Местные власти столкнулись с тем, что евреи «по роду их жизни удалены от всякого хозяйства и по развратному поведению не могут быть полезны тамошнему краю»⁵. Для исправления нравов евреев и цыган было предложено отправлять тех, кто не имел ремесленных навыков, на казенное поселение в отдаленные от Иркутска селения Иркутского и Нижнеудинского уездов. Волостные правления обязаны были иметь над ними строжайший контроль, а сельские старшины принуждать их к различного рода сельским занятиям. Уклонение от работ грозило поселенцам через земский суд направлением на винокуренные заводы. С этого момента евреи невольно стали играть важную роль в данной отрасли пищевой промышленности региона.

Приезд Александра I на уральские заводы позволил местным властям начать радикальную борьбу с «еврейским злом». Уже 19 декабря 1824 г. появилось секретное предписание, по которому с целью предотвращения хищения евреями драгоценных металлов и «растления местного населения» запрещено было иудеям селиться в уральских казенных и частных заводах и Алтайском горном округе. Мероприятия по «искоренению еврейства» проводились одновременно по линии Министерства финансов и Министерства внутренних дел. В упомянутом документе министру финансов Е.Ф. Канкрину было дано указание «о евреях, чтобы отнюдь не были терпимы на горных заводах»⁶. Последнему надлежало сообщить об этом управляющему Министерством внутренних

дел. Уже неделю спустя через управляющего Кабинетом с.и.в. графа Д.А. Гурьева содержание секретного документа было доведено до сведения горных начальников Кольвано-Воскресенских, Нерчинских и Екатеринбургских заводов.

В конце января 1825 г. на имя Гурьева поступили первые отчеты от начальника Кольвано-Воскресенского горного округа Фролова и начальника Екатеринбургских горных заводов Осипова о евреях на подконтрольной территории. Так, О. Осипов сообщил в Петербург о том, что «проживавшие в здешнем городе (Екатеринбурге. – *В. Ш.*), коих найдено шесть человек, из оного уже высланы, а в Горнощитском мраморном заводе, как командир сего завода и гранильной фабрики... донес, таковых не оказалось»⁷.

Более основательно подошел к выполнению поручения Фролов, который принялся изыскивать евреев не только на горных заводах и рудниках, но и в деревнях приписных крестьян, куда те могли попасть «по делам питейного сбора»⁸. В том же донесении графу Гурьеву Фролов задался вопросом: «Что делать с евреями, принявшими христианство?» Это наталкивает на мысль о наличии в округе евреев-выкрестов, с которыми начальнику приходилось сталкиваться по тем или иным делам и которых приказано было не подвергатьсылке»⁹.

9 декабря 1825 г. западносибирский генерал-губернатор П.М. Капцевич сообщал в Сибирский Комитет о проживавших в Омской области евреях и мероприятиях, которые планировалось осуществить в отношении этой группы. Сохранившиеся документы, в частности решения Совета Главного управления Западной Сибири (ГУЗС), позволяют говорить о том, что отношение местных властей и общества к ссыльным евреям было негативным. В них, например, указывалось, что «Семипалатинская Ратуша очень невыгодно на их (евреев. – *В. Ш.*) счет отозвалась, да и Петропавловский городничий также не ручался за благонадежное их поведение»¹⁰.

Губернские власти оказались в непростой ситуации: им необходимо было отселить евреев не только от горных заводов Алтайского горного округа, но и из населенных пунктов приграничной Сибирской линии. Основываясь на упомянутом секретном предписании, губернские власти приняли решение: «всех евреев, находящихся... по паспортам и в округах проживающих без оных, выслать в места прежнего жительства, и впредь не пускать их на Линию, за чем приказать городским и Земским полициям строго надбности причисленных же в мещане и крестьяне и имеющих домообзводство поселенцев»¹¹. В дальнейшем предполагалось отселить евреев из Семипалатинска и Петропавловской крепости во внутренние районы Тобольской и Томской губерний и просить Тобольский приказ о ссыльных, «чтобы он в будущее время не присылал уже как на Линию, так равно иные места, кои близки к горным заводам»¹², ссыльных иудеев. В 1829 г. эта кампания получила дальнейшее развитие. Евреи г. Кольвани обратились к начальнику Алтайского горного округа с просьбой разрешить им поселиться на территории округа, но получили категорический отказ¹³.

⁷ Там же. Л. 14.

⁸ Там же. Л. 15–15 об.

⁹ Там же. Л. 19.

¹⁰ Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 260. Л. 3 об.

¹¹ Там же. Л. 4–4 об.

¹² Там же. Л. 5–5 об.

¹³ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 575. Л. 130.

² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 20. Л. 148 об. – 149.

³ Там же. Л. 149.

⁴ Там же. Ф. 1285. Оп. 3. Д. 273. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Там же. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2728. Л. 9.

В первой половине 1830-х гг. Совет ГУЗС инициировал введение запрета на переселение евреев в сибирские губернии и причисление их в различные сословия¹⁴. Но, запрещая евреям проживать в некоторых районах Сибири, власти оставляли их в регионе в качестве поселенцев, а потому запретительные меры не могли исключить евреев из числа сибирских обывателей. По данным Министерства внутренних дел, уже к 1834 г. в Сибири проживало «18 купцов, мещан, цеховых и городских рабочих 659, а в Омской области поселенцев 13» иудейского исповедания¹⁵.

Плачевное состояние еврейского населения в черте оседлости побудило власти к радикальному решению «еврейского вопроса». Было принято решение о переселении евреев на окраины с целью обращения их в земледельческое состояние.

Основным местом водворения евреев должна была стать Сибирь. По представлению министра финансов Е.Ф. Канкрин 12 ноября 1835 г. Николай I распорядился выделить для поселения евреев пять свободных участков казенных земель в Тобольской губернии (Тарский округ: отрезки от земель татар Юрт-Черналинских 2 212 дес.) и Омской области (Омский округ: между с. Кулачинским и дер. Хариной два участка 3 254 и 3 446 дес., между д. Хариной и Захламиной 3 184 и 3 056 дес.) общей площадью в 15 154 дес.¹⁶

Предполагалось в течение осени 1835 – зимы 1836 г. закончить подготовительные действия и начать переселенческую кампанию уже весной 1836 г. На этом этапе подключилось Министерство внутренних дел, которое должно было через губернских чиновников донести до еврейского населения информацию о начале переселенческой кампании и ее условиях. Таким образом, министерства финансов и внутренних дел становились центральными учреждениями по исполнению монаршей воли. Надо сказать, что к тому моменту в канцелярии МВД скопилось большое количество прошений от еврейских обществ различных губерний, в которых содержались просьбы об улучшении положения евреев. Наибольшее количество прошений исходило от евреев прибалтийских и белорусских губерний. Например, на имя министра внутренних дел Д.Н. Блудова поступило прошение от еврейских семейств г. Митавы Курляндской губернии, в которой просители жаловались на «великие неудобства пропитывать себя законным образом»¹⁷.

О перенаселении евреями городов и невозможности ими содержать свои семьи сообщал в своей записке витебский генерал-губернатор Дьяков, отмечая, например, что «купеческие и мещанские промыслы за неимением достаточного числа покупателей и потребителей должны ограничиваться только мелочной торговлей, которая едва стоит содержания лавки; ремесленники, коих между евреями множество, не имеют работы. В одном только Могилеве, сколько известно, более 600 портных, тогда как достаточно 100-й доли сего числа по общей массе людей, имеющих нужду в их мастерстве»¹⁸.

Многие еврейские семьи стремились любыми путями вырваться из нищеты, в которой они оказались по милости царской власти, а потому в еврейских общинах к середине

1830-х гг. сложилась мотивация к включению в переселенческий процесс.

Но далеко не все в еврейских общинах являлись сторонниками переселения на новые места. Одним из противников этого процесса выступили кагалы¹⁹. В своей записке на имя А.Х. Бенкендорфа генерал-майор Дребуш указывал, что «они (евреи. – В. Ш.) приняли как благодеяние Всемиловейшее дозволение им сделаться хлебопашцами Тобольской губернии..., но встречают в том затруднение со стороны еврейских кагалов»²⁰. Кагалы вместе с городской и земской полицией старались скрыть от евреев соответствующий указ. Дело в том, что в явное противоречие вступили положение указа и фискальная практика: кагалы требовали от желающих переселиться уплаты всех необходимых податей и недоимок, тогда как высочайший указ списывал с переселенцев все недоимки по уплате податей²¹. В первую очередь желали переселиться те евреи, которые не могли материально устроить свою жизнь в прежней общине, но действия кагала ставили их в затруднительное положение.

Некоторые чиновники предлагали изыскать земли для поселения евреев во внутренних губерниях. Но позиция Канкрин была неизменной: в своем письме Блудову от 26 августа 1836 г. он отметил, что, основываясь на имеющихся в министерстве сведениях, считал невозможным выделение земель в белорусских губерниях, т. к. свободных земель нет²².

Уже весной 1836 г. стало ясно, что в губерниях не готовы к переселенческой кампании. Так, выяснилось, что в губернских казенных палатах не было денег для выдачи ссуд переселенцам. Эта проблема была решена радикально: от Канкрин поступило распоряжение о выделении необходимых средств и одежды для еврейских переселенцев²³. Таким образом, чиновники решали проблемы переселенцев по мере их возникновения.

В середине декабря 1836 г. Канкрин подвел промежуточный итог переселенческой кампании. Он указывал, что «в течение нынешнего 1836 г. пожелало переселиться из разных губерний на упомянутые для них казенные участки до 1 317 душ»²⁴. В канцелярии МВД на тот момент находились списки более 3 тыс. потенциальных переселенцев из различных белорусско-литовских губерний²⁵. Эти результаты настолько вдохновили министра финансов, что он заявил о своем намерении в следующем году выделить для водворения евреев уже десять участков в Омском и Петропавловском округах общей площадью 13 363 дес.²⁶

22 декабря 1836 г. состоялось очередное заседание Комитета министров, на котором был рассмотрен вопрос форсирования еврейского переселения в Сибирь на основании внесенного предложения министра финансов. Комитет

¹⁹ *Кагал* – орган еврейского самоуправления, выступавший посредником между общиной и государственными органами управления в России с 1772 по 1844 г., нес ответственность за своевременную поставку рекрутов (с 1827 г.), своевременную уплату налогов и пр.

²⁰ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Ф. 959. Л. 50.

²¹ Там же. Л. 50 об.

²² Там же. Л. 59 об.

²³ Там же. Л. 102.

²⁴ Там же. Л. 107.

²⁵ Там же. Д. 960. Л. 84–131 об.; Д. 962. Л. 56–76 об. Подсчет наш.

²⁶ Там же. Д. 959. Л. 107 об.

¹⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 438. Л. 38 об.

¹⁵ Там же. Ф. 383. Оп. 29. Д. 960. Л. 4.

¹⁶ Там же. Д. 959. Л. 1–1 об.

¹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 44–44 об.

министров принял решение: «на утверждение распоряжения испросить Высочайшее соизволение»²⁷.

Уже 5 января 1837 г. Николай I наложил резолюцию на представление Комитета министров: «переселение евреев в Сибирь приостановить»²⁸. Это перечеркнуло все предпринятые ранее различными ведомствами действия. Вскоре последовало распоряжение о возвращении всех переселенческих партий на прежнее место жительства или направлении их в Херсонскую губернию, где их водворением должно было заняться недавно созданное Министерство государственных имуществ во главе с графом П.Д. Киселевым. Распоряжение об этом было направлено Блудовым всем губернаторам, через чьи губернии могли проследовать евреи-переселенцы. Ответные рапорты губернаторов позволяют оценить реальные масштабы переселенческой кампании. Согласно их данным на конец 1836 – начало 1837 г. на пути в Сибирь находилось не более 100 евреев, успевших воспользоваться дарованным правом водвориться в Тобольской губернии. Все они были направлены в Херсон.

Однако одна группа переселенцев успела прибыть в Тобольскую губернию в конце 1836 г. Распоряжение Блудова вызвало замешательство у губернских властей. В Петербург 5 июля было направлено донесение, что еще до 5 января 1837 г. в Сибирь прибыла партия евреев из Могилевской губернии и Белостокской области численностью 36 душ обоюбого пола²⁹. Возник вопрос: что делать? Потребовалось вмешательство Николая I, который передал решение этого вопроса в руки самих евреев. Статс-секретарь Танеев писал по этому поводу Блудову: «Государь Император рассмотрев всеподданнейшую записку... от 8 июля... изволит считать несправедливым евреев сих вновь переводить. Но Его Императорское Величество повелевает предоставить им или переселиться в Херсонскую губернию или остаться на месте с подтверждением правилам принятым отныне для евреев в Сибири находящимся»³⁰. Воспользовавшись этим правом, 32 еврея решили остаться в Сибири, и только четверо приняли решение вернуться в Европейскую Россию.

Этот сюжет заставляет усомниться в сложившемся в литературе мнении, что более 1 тыс. евреев переселилось в Сибирь в 1836 г. В середине 1840-х гг. 32 омских еврея напомнили о себе. В январе 1843 г. последовало повеление Николая I на решение Комитета министров: «дозволить сим евреям остаться навсегда на отведенном им в омской области участке земли, а затем участок сей исключить из оклада»³¹. Они получили 480 дес. удобной земли в бесплатное пользование сроком на 25 лет.

Влияние на формирование еврейского населения в Сибири оказало не только самовольное и организованное переселение. Каторга и ссылка во второй трети XIX в. также внесли свою лепту. Так, за 1835–1843 гг. в Сибирь прибыло 596 евреев мещанского сословия (542 мужчины и 54 женщины) [6]. В середине XIX в. ссылка и каторга сохраняют свое значение. Так, в справке Министерства юстиции Еврейскому комитету в марте 1860 г. указывалось, что «в течение минувшего года Судебными палатами приговорено

евреев: к ссылке в Сибирь на поселение – 12, на жительство – 12, к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства – 40 и к заключению в работные дома 35 человек...»³². Однако даже с учетом прибывших с ними немногочисленных членов семей этот источник не может рассматриваться как один из ведущих в формировании еврейской общины в Сибири.

Еще одним важным источником пополнения еврейского населения в Сибири стали кантонисты. С 1827 по 1855 г. в Иркутске, Красноярске, Омске, Тобольске и Томске располагались кантонистские заведения, в которых оказались и еврейские мальчики в возрасте от 8 до 18 лет. Й. Петровский-Штерн в работе, посвященной евреям в русской армии, приводит данные об их количестве на 11 июня 1839 г. – в Омском, Тобольском, Томском, Иркутском батальонах и Красноярских учебных ротах их насчитывалось 57 (1,3 % евреев-кантонистов), причем все они остались в иудейской вере [7, с. 124; подсчет наш]. Ежегодное количество кантонистов к 1856 г. постоянно возрастало. Так, по данным «Еврейской электронной энциклопедии»³³, в 1855 г. только в Томскую школу кантонистов прибыло 350 детей из губерний черты оседлости. Увеличению евреев-кантонистов способствовала и законодательная политика: актами 1837, 1846 и 1847 гг. дети сосланных в Сибирь евреев автоматически зачислялись в кантонистские школы [8, с. 10].

В целом на 1849 г. в Тобольской губернии проживало 785 душ обоюбого пола [9, ч. 1, с. 37], а в Томской губернии – 1 482 души обоюбого пола [9, ч. 2, с. 82], т. е. всего за 15 лет официальная численность еврейства в двух сибирских губерниях выросла почти в 3 раза. Одним из основных мест средоточия еврейской жизни Западной Сибири стал к середине XIX в. г. Каинск, в котором, по оценке современника, «большая часть жителей... евреи, переселенные за сделанные ими преступления и более за контрабанду» [там же, с. 95].

Переселившись в Сибирь, евреи оказались выброшены за рамки привычного для них правового поля черты оседлости. В местах нового проживания на них, с одной стороны, стремились распространить те же нормы, что действовали в пределах черты оседлости, а с другой – они подпадали под юрисдикцию Устава о ссыльных и, кроме того, оставались подданными Российской империи со всеми вытекающими отсюда последствиями. Юридическая неразбериха дополнялась множеством циркуляров, инструкций, решений, высочайше утвержденных мнений и прочих правовых актов более частного характера. Как следствие, еврейское население в Сибири оказывалось в наиболее бесправном положении, требовались колоссальные усилия, чтобы не только добиться юридической справедливости, но и заставить местные власти ее соблюдать.

Таким образом, к началу пореформенного периода в Сибири, несмотря на противодействие властей, происходил активный процесс формирования еврейской общины. Ссылка, а позднее естественный прирост стали основными источниками для этого процесса. Новые условия жизни заставляли евреев стремиться к эмансипации, обретая свое место в экономической и социокультурной жизни Сибири.

²⁷ Там же. Л. 120–120 об.

²⁸ Там же. Л. 120 об.

²⁹ Там же. Д. 960. Л. 165–166.

³⁰ Там же. Л. 185.

³¹ Там же. Оп. 10. Д. 9352. Л. 14.

³² Там же. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 51. Л. 81–81 об.

³³ <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=14130&query=%D2%CE%CC%D1%CA> (дата обращения: 25.07.2012).

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитин Н.В. Евреи земледельцы. СПб., 1887.
2. Белковский Г.Б. Русское законодательство о евреях в Сибири. СПб., 1905.
3. Ф. В. Евреи в Сибири // Восход. СПб., 1887. Кн. 9. С. 1–8.
4. Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911.
5. Мыш М.М. Руководство к русским законам о евреях. СПб., 1914. § 247.
6. Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 гг. СПб., 1873.
7. Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии. М., 2003.
8. Гончаров Ю.М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири XIX – начала XX в. Барнаул, 2005.
9. Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1849. Т. XVII, ч. 1: Тобольская губерния; Ч. 2: Томская губерния.

*Статья поступила
в редакцию 15.08.2012*

УДК: 94(47)“1914/1918”

М.С. ДРУГАНОВА

ОБРАЩЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОРГАНЫ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

аспирантка,
Институт гуманитарных наук
Тюменского государственного университета,
г. Тюмень
e-mail: kucu@inbox.ru

Статья посвящена характеристике и описанию обращений горожан Тобольской губернии в органы местной власти в годы Первой мировой войны. Автором исследованы 68 писем горожан по тематике, непосредственно или косвенно связанной с обстоятельствами военного времени, хранящихся в Государственном архиве Тюменской области и Государственном архиве в г. Тобольске. В результате исследования выявлено, что преобладающей тематикой обращений являлись вопросы о назначении денежного пособия в связи с уходом на фронт главы семьи; о запрещении продажи алкогольной продукции; о размещении на территории губернии военнопленных; о дестабилизации ценовой политики.

Ключевые слова: обращения горожан, органы городского управления, Первая мировая война, мобилизация, запрет алкоголя, военнопленные.

Обращения граждан являются ценными историческими источниками, из которых можно не только почерпнуть сведения о жизни современников указанного периода, но и проследить взаимосвязь власти и общества. Большой интерес представляет комплекс обращений, рассмотренный в конкретный исторический период на определенной территории. Тематика заявлений, поданных горожанами в органы городского общественного управления в годы Первой мировой войны, имеет свою специфику по сравнению с обращениями, написанными в мирное время. Заявления горожан, сохранившиеся в фондах Государственного архива Тюменской области и Государственного архива в г. Тобольске, хронологически и тематически можно подразделить на следующие группы:

– прошения о назначении пособия в связи с уходом кого-либо из членов семьи на фронт;

– заявления, связанные с введением «сухого закона» и запретом продавать алкоголь;

– ходатайства, в которых отражается особая ситуация с прибытием в Тобольскую губернию большого количества военнопленных;

– обращения горожан, причиной которых являлись дестабилизация ценовой политики в городах и беспорядки в преддверии революции.

В самом начале войны настроение всего российского общества было патриотичное, полное надежды на скорую победу. Практически все слои населения в Тобольской губернии (даже крестьяне) участвовали в сборе пожертвований на военные нужды. Например, в городах Тара и Курган было собрано 400 руб. в помощь пострадавшим в Польше и Бельгии¹.

* Публикация подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., проект № 14.В37.21.0481.

¹ Государственный архив в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске). Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1169. Постановления Тарской городской думы за 1914 г. Л. 273; Д. 1166. Постановления Курганской городской думы за 1914 г. Л. 307–307 об.